

СОВРЕМЕННОЕ «АХМАТОВОБОРЧЕСТВО»: ИСТОКИ, АРГУМЕНТЫ И СМЫСЛЫ¹

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Можно было бы начать статью с заявления о том, что Анна Ахматова, как любая творческая личность, обладала беспредельными способностями свободно порождать мысли, идеи и образы. Однако действительно ли они столь беспредельны? Речь пойдет о степени свободы подобного порождения, ибо этот процесс подконтролен и ограничен внешними обстоятельствами. Я имею в виду те обстоятельства, которые связаны с внутренними границами «поля», в котором Ахматова действовала как социальный и творческий субъект, – «поля литературы»².

Логика функционирования подобного поля конструирует *пространство возможностей* для каждого из его агентов. Для поэта (прозаика, драматурга) рамки этого пространства лимитируются, прежде всего, производством художественных текстов. Аналогично для литературного критика (историка литературы, филолога) – анализом и интер-

претацией как производимой творцами продукции, так и личностей самих производителей.

Представляется, что Ахматова «злобно» нарушала существующие «договорные обязательства» агентов литературного поля по отношению друг к другу. Обратимся, к примеру, к «Прозе о поэме» и записным книжкам Ахматовой для того, чтобы увидеть, как Ахматова собственноручно оформляла векторы своего творческого пути и доминанты своего художественного мира.

В одном из фрагментов «Прозы о поэме» – «Плане “Прозы о поэме”» – Ахматова намечает возможность составить новое прозаическое «Вместо предисловия» к «Поэме без героя», включающее в себя:

«1. Где и когда я ее писала. 2. Как она меня преследовала. 3. О самой Поэме. Провал попыток заземления. <...> Ее уходы в балет. Бумеранг. – Карусель. – Поэма Канунов. (примеры). 4. Ее связь с Петербургской Гофманианой. 5. Подтекст. “Другая” – траурная – обломки ее в “Триптихе”».

Писать широко и свободно. Симфония. Отзвывы Б. Пастернака и В. М. Жирмунского (Старостина, Штока, Добина, Чуковского и т.д.)...»³.

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на VI Международном науч. семинаре «Современная русская литература: стратегии письма и чтения» (Ягеллонский университет, 19 октября 2011 г.).

² См.: П. Бурдые, «Поле литературы». Пер. с фр. М. Гронаса, *Новое литературное обозрение*, 2000, № 45, с. 22–87.

³ Петербургские сны Анны Ахматовой. «Поэма без героя» (опыт реконструкции текста). Сост.,

В другом фрагменте – «Работает подтекст» – Ахматова очерчивает принципы поэтики, задействованные в поэме:

«И только сегодня мне удалось окончательно формулировать особенность моего метода (в Поэме). Ничего не сказано в лоб.

Сложнейшие и глубочайшие вещи изложены не на десятках страниц, как они привыкли, а в двух стихах, но для всех понятно. <...> II. Строки с двойным дном...»⁴.

В записных книжках Ахматовой читаем следующее:

«...мое имя вычеркнуто из списка живых до 1939 г. <...> Вокруг бушует первый слой революционной молодежи, с “законной гордостью” ожидающий великого поэта из своей среды. Гибнет Есенин, начинает гибнуть Маяковский, полузапрещен и обречен Мандельштам, пишет худшее из всего, что он сделал (поэмы), Пастернак, уезжают Марина и Ходасевич. Так проходит десять лет. И принявшая опыт этих лет – страха, скуки, пустоты, смертного одиночества – в 1936 я снова начинаю писать, но почерк у меня изменился, но голос уже звучит по-другому. А жизнь приводит под уздцы такого Пегаса, кот<орый> чем-то напоминает апокалиптического Бледного Коня или Черного Коня из тогда еще не рожденных стихов.

Возникает “Реквием” (1935–1940). Возврата к первой манере не может быть. Что лучше, что хуже – судить не мне. 1940 – апогей. Стихи звучали непрерывно, наступая на пятки друг другу, торопясь и задыхаясь: разные и иногда, наверно, плохие. В марте “эпилогом” кончился “R<equiem>”. В те же дни – “Путем вся земли” (“Китежанка”), т.е. большая панихида по самой себе, осенью одновременно – две гости:

вступ. статья, реконструкция текста и комментарии С. А. Коваленко, С.-Петербург: ООО «Издательство «Росток», 2004, с. 186.

⁴ Там же, с. 192.

Саломея (“Тень”) и моя бедная Ольга (“Ты в Россию пришла ниоткуда”), и с этой таинственной спутницей я проблуждала 22 года» (запись от 15 марта 1963 г.)⁵.

Раскрывая смысл метафоры «солидарное чтение», А. К. Жолковский писал: «<это> ...попросту говоря, позволять себе видеть в авторе только и ровно то, что этот автор желает, чтобы в нем видели. <...> Такая филология сознательно или бессознательно уподобляется религиозным практикам, отводя ученому не естественно присущую ему роль, аналогичную роли историка, теоретика и компаративиста религий, а роль почтительного служителя культа»⁶. Подобная ситуация получила именование «стратегия мифологизации личности и творчества Анны Ахматовой», осуществленной (и осуществляемой) не стараниями профессиональных критиков и литературоведов, а посредством личных усилий поэта. В этом-то и заключается «грех» Ахматовой, и это-то и вызывает раздражение современных филологов и около литературных деятелей (разумею, прежде всего, Александра Жолковского⁷ и Тамару Катаеву⁸).

---

⁵ *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*, Москва – Torino: GiulioEinaudieditore, 1996, с. 311.

⁶ А. Жолковский, «Осторожно, треножник! Ответ оппоненту», *Русский журнал*, 2008-07-30, <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Ostorozhno-treozhnik!>

⁷ См.: А. К. Жолковский, «Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя», *Звезда*, 1996, № 9, с. 211–227; он же, «Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к житнетворческой биографии Ахматовой», *Wiener Slawistischer Almanach*, 36 (1995), с. 119–154; он же (соавтор – Л. Г. Панова), «Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой», *От слов к телу: Сб. статей к 60-летию Юрия Цивьяна*. Москва: Новое литературное обозрение, 2010, с. 50–71.

⁸ Тамара Катаева, *Анти-Ахматова*, Москва: ЕвроИНФО, 2007.

Более того, Ахматова позволила себе вторгнуться в критический сегмент литературного поля *со своими концепциями* творчества Н. С. Гумилева, личности А. А. Блока, судьбы и деятельности А. С. Пушкина и О. Э. Мандельштама, а также с *изобличающей критикой* трудов отечественных и зарубежных филологов. Из возможных многочисленных тому доказательств приведу фрагмент из ее записных книжек:

«По мнению одних (D.D.DiSarra) – модная петербургск<ая> поэтесса, хозяйка великолепного салона на Фонтанке, вышла замуж в 1910 <году> за путешественника, поэта и искусного организатора литературных групп. (См. Мочульский “Андрей Белый”). По мнению других (Глеб Струве), уже знаменитый после “Жемчугов” Н. Гумилев женился в Киеве на дочери отс<тавного> инж<енера>-мех<аника> флота А. Горенко. Еще: Гум<илев>, глава акм<еистов>, открывает Ахм<атову> (нем<ецкая> цитата). (И такое приходится читать чуть не каждый день). Некоторые прибавляют: которую он встречал [уже] еще в Царском Селе. Разумеется, из этих двух страниц, которые я написала сегодня, можно сделать не очень тонкую книжку, но это я предоставляю другим, напр<имер>, авторам диссертаций о Гумилеве, кот<орые> до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подража<нии> Леконт де Лиллю и Эредиа»⁹.

⁹ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 640. Упоминаются высказывания итальянского литературоведа и переводчика Дана Данино Ди Сарра; русского историка литературы, литературного критика К. В. Мочульского, автора книги «Андрей Белый» (Париж, 1955); поэта, литературоведа, профессора Калифорнийского университета в Беркли Г. П. Струве, одного из издателей и редакторов четырехтомного собрания сочинений Н. Гумилева (Вашингтон, 1962–1968) и трехтомника сочинений Ахматовой. Первый том ее сочинений, выпущенный в Вашингтоне в 1965 г., вызвал у Ахматовой негативную реакцию.

Учитывая вес и позиции Ахматовой в поле русской литературы, можно понять, насколько болезненным для интерпретаторов были и остаются подобные действия поэтессы в свете конкурентной борьбы и распределения ролей и власти, которые структурируют литературное поле, как и всякое другое.

Здесь необходимо учитывать и своего рода травму, которую столетиями носит в себе русская литературная критика, функционирующая в обществе, где фигура именно писателя и именно художественное творчество воспринимались и, возможно, все еще воспринимаются чуть ли не как сакральные явления¹⁰.

Немудрено, что А. К. Жолковского как крупнейшего и признанного современного *исследователя* русской литературы менее всего устраивает как до поры до времени скрытая (рассчитанная на «провиденциального» читателя), так не скрываемая (известный ахматовский прием устного «подкладывания мыслей»), но, в любом случае, вытесняющая мнения специалистов, претензия Ахматовой на придание значения и признание ценности своих и чужих литературных произведений. Одно из высказываний Жолковского прямо свидетельствует об этом: «Работа критиков и исследователей – неотъемлемая и важная часть литературного процесса, того, что называют институтом литературы. Она вовсе не враждебна писательскому творчеству. Другое дело – вопрос о

¹⁰ См. об этом исчерпывающую статью И. Кондакова «По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков)», *Вопросы литературы*, 2008, № 5, с. 5–44.

пропорциях» (Курсив мой. – Г.М.)¹¹. В одной из последних книг Жолковского «ахматорборческий» мотив введен посредством републикации работы 1996 г. «Три инвенции на грани лингвистики и поэтики», во второй части которой анализируется программное стихотворение Ахматовой «Мне ни к чему одические рати...» и, в частности, заявляется:

«Наличие за лопухами и лебедой железной силы, недаром снискавшей Ахматовой репутацию повелительницы, королевы, богини и статуи; ее постоянная и все возрастающая озабоченность своей славой и борьбой с соперниками; сознательная работа над ретушированием собственной биографии, включая правку воспоминаний о ней современников и даже писавшихся и лепившихся с нее портретов; одним словом, напряженная деятельность по самопрезентации поэтической личности ААА как властной в самом своем кенозисе харизматической фигуры – вот в чем состоял тот реальный, нуждавшийся в сокрытии и сложной сублимации сор, из которого росли ее стихи и весь тщательно мифологизированный текст ее житнетворчества, – а отнюдь не в безобидной лебеде, стыдиться которой, действительно, было бы ни к чему»¹².

Что касается автора книги «Анти-

¹¹ «Портативное небо. Александр Жолковский: “Наука, в том числе и филология, – не руководство к действию”. Беседовал Ян Шенкман», *НГ Exlibris*, 2006-08-31, http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-08-31/2_zholkovski.html

¹² А. К. Жолковский, *Осторожно, тренажник!*, Москва: Издательство «Время», 2010, http://fictionbook.ru/author/aleksandr_konstantinovich_jolkovskiy/ostorozno_trejnijk/read_online.html?page=4

Ахматова», домохозяйки Тамары Катаевой, то, по П. Бурдые, чтобы заявить о себе и завоевать место в литературном поле, неопиты выбирают деструктивные по отношению к существующему порядку стратегии, отчасти полем санкционированные. Таковые нашлись в виде разоблачительной стратегии в отношении к некоторым агентам поля русской литературы, избранной авторитетным А. К. Жолковским.

Некогда Жолковский великодушно поддержал книгу Катаевой¹³, но был вынужден в связи с этим возвращаться к разъяснениям именно своего, а не катаевского, «эксперимента по очищению восприятия Ахматовой от культовой оболочки».

Лаконичная оценка скандальной книги, акцентирование своих «нюансированных высказываний» по этому поводу¹⁴, оттенок снисходительной презрительности по отношению к ее автору¹⁵ и неоднократное возвращение к теме «Анти-ахматова» – показатель

¹³ Дмитрий Быков, «Суд над Ахматовой» (Интервью с Александром Жолковским), *Огонек*, № 32, 6–12 августа 2007 г. Перепечатка под названием: «“Анти-Катаева”. Интервью» в кн.: А. К. Жолковский, *Осторожно, тренажник!*, с. 391–395; А. Жолковский, «Ахматова-2007», *Русский журнал*, 2007-03-10, <http://www.russ.ru/layout/set/print/Kniga-nedeli/Ahmatova-2007>

¹⁴ Нюансы заключаются в подчеркивании «полезности» книги Катаевой, которая «при всех ее недостатках... привлекает внимание к теме, табуированной ахматоведческим истеблишментом». – А. Жолковский, «Осторожно, тренажник! Ответ оппоненту».

¹⁵ «Я получил это <книгу Катаевой> в подарок с уважительным инскриптом и сейчас чувствую себя в роли Ивана Федоровича Карамазова, морально ответственного за Павла Смердякова». – Дмитрий Быков, «Суд над Ахматовой» (Интервью с Александром Жолковским) (Курсив мой. – Г.М.), <http://ogoniok.ru/5008/2/>

того, о чем говорилось выше: скрещивать копыта по поводу того или иного творческого феномена – прерогатива специализированного сегмента литературного поля, продуцирующего интерпретации не столько для массового читателя, сколько для самого корпуса производителей письма (коллег-критиков и авторов художественных текстов), т.е. для сообщества «взаимного восхищения и солидарности» (П. Бурдые). Поэтому А. К. Жолковский вступает в полемику с серьезными филологами: лингвистом и пушкинистом, автором статьи «О феномене демифологизации классиков в современной культуре (В связи с “детской резвостью” двух почтенных профессоров)» д-ром наук Н. В. Перцовым¹⁶, д-ром наук, крупнейшим «ахматоведом» Р. Д. Тименчиком¹⁷, известным литературоведом и литературным критиком Б. Сарновым¹⁸.

А как автор коротких мемуарных рассказов, на вопрос собеседника об отношении к филологам, пишущим в жанре нон-фикшн, Жолковский отвечает следующее:

«<Михаил> Безродный мне ближе. [...] Кстати, Безродный – мой любимый первый читатель. Напишу виньетку – посылаю ему. Он сразу начинает придираться: это можно написать короче, здесь есть стилистические несообраз-

ности, тут политические высказывания банальны... Его критику я с благодарностью впитываю»¹⁹.

Очевидно, что Жолковский прекрасно осведомлен о «солидарных» особенностях организационной культуры литературного поля. В качестве еще одного примера приведу его воспоминания, героями которого являются литературовед, писатель А. Д. Синявский и его жена М. В. Розанова, издатели журнала «Синтаксис»:

«Был эпизод, когда я написал “маяковскоборческую” статью с синявским названием “Прогулки по Маяковскому” и отдал ее в “Синтаксис”. Синявским не понравился мой наезд на Маяковского, который в ту эпоху, когда складывались их вкусы, был, кроме всего прочего, эзоповским псевдонимом Серебряного века. И Марья Васильевна сказала: “Ну ладно, мы напечатаем вашу статью, но сделаем вам небольшую врезку”. Я ответил, что все врезки мне уже были сделаны в Союзе, не для того я родину продавал, чтобы мне делали врезки, и статью забрал. При всем том я продолжал бывать у них в доме, печататься в “Синтаксисе”, наши отношения отнюдь не прервались»²⁰.

Итак, право на истинность суждений принадлежит определенной суб-культуре реполя – элитной литературной критике, а отнюдь не суб-культуре творцов или маргиналов литературного поля, типа Тамары Катаевой.

¹⁶ А. Жолковский, «Осторожно, тренажник! Ответ оппоненту».

¹⁷ См. ADDENDUM к неподцензурному варианту статьи А. К. Жолковского и Л. Г. Пановой «Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой (*Das Karpalistische Opfer*)», <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib236.htm>

¹⁸ Александр Жолковский, «Где кончается филология? Осенние зачистки на летних территориях», *Звезда*, 2007, № 1.

¹⁹ «Александр Жолковский: виньетка не просто байка – это литературный факт». Беседу ведет Михаил Эдельштейн, *Лехаим*, сентябрь 2008 элул 5768 – 9 (197), <http://www.lechaim.ru/ARHIV/197/LKL.htm>

²⁰ Там же.

Сделаю небольшое отступление, связанное с тем, что писатель и журналист Дм. Быков в определенной степени является полноправным «персонажем» данной статьи. Поэтому сошлюсь на его относительно недавний опыт, приобретенный при написании биографии Бориса Пастернака для серии «Жизнь замечательных людей»:

«Когда я написал первую половину книги и стало ясно, что она получается, многие пастернаковеды и особенно пастернаковедки стали штурмовать серию “ЖЗЛ”. Чтобы биографию поэта отдали им, а меня бортанули оттуда. Одна такая особа кричала: “Как может ведущий программы «Времечко», носящий шорты, писать что-то о Пастернаке?!”»²¹. Добавлю, что после выхода книги (в 2005 г.) филологи Г. Амелин и В. Мордерер объявили ее «ошеломительно плохой» и «вредоносной»²².

Вернемся, однако, к А. К. Жолковскому, подытожив, что суть его претензий и демифологизирующего пафоса можно свести к тому, что в основе «мифа Ахматовой» лежат ее собственные суждения, т.е. притязания той, которая «преувеличивала свою образованность, бывала резка и поверхностна в суждениях» (из интервью А. Жолковского Дм. Быкову).

Между тем, обратимся к далеким 1940-м годам.

---

²¹ «Дмитрий Быков: следующая книга – конец моей репутации!», *Газета недели (Саратов)*, № 8, 15 марта 2011 г., <http://ru.bykov.livejournal.com/1014998.html>

²² Григорий Амелин, Валентина Мордерер, «Дмитрий Быков. Борис Пастернак», *Критическая Масса*, 2005, № 3–4.

28 июля 1940 г. Б. Л. Пастернак, которого «ахматовборцы» любят противопоставлять Ахматовой по разным параметрам, поздравляет ее с выходом стихотворного сборника «Из шести книг». Помимо восторгов, в письме Пастернака находит себе место и иное: борьба за дефиниции писателя и его творчества, которые манифестируются за пределы литературного поля. Возмущаясь опубликованной в июле 1940 г. в «Литературной газете» рецензией литературоведа В. О. Перцова на ахматовский сборник, Пастернак пишет:

«<...> Узнав, что я пишу вам, вам просили кланяться Софья Андреевна Толстая-Есенина, Нина Александровна Табидзе, Константин Александрович Федин и Зина. <...> Тон Перцова возмутил нас всех, но тут думают (между прочим, Толстой), что *кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о вас* в журнале, а не в газете» (Курсив мой. – Г.М.)²³.

Налицо стремление представителей определенного литературного суб-пространства передвинуть *свои* критерии и иерархию художественных ценностей в сферу их социо-культурного потребления, где доминируют шкалы литературных критиков, издателей и иных властных структур. Немаловажно и то, что этот процесс разворачивается в рамках работы литературной секции Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Как свидетельствовал В. Я. Виленкин, А. Н. Толстой, Н. Н. Асеев и А. А. Фадеев «с явным

---

²³ Цит. по: В. А. Черных, *Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966*. Изд. второе, испр. и доп., Москва: «Индрик», 2008, с. 324.

удовольствием» ратовали за выдвижении книги Ахматовой на эту премию²⁴. Позднее Пастернак сам осуществил идею продвижения *писательских* мерок и оценок в «пространство социально институтируемых позиций» (П. Бурдые), создав несколько вариантов рецензии на «Избранное» Ахматовой, изданное в Ташкенте в 1943 г. для «Литературной газеты» и журнала «Огонек»²⁵. Ни один из вариантов опубликован не был.

То, что две категории иерархий и критериев (писательские и литературоведческие) вступали и вступают до сих пор в непримиримое противоречие, прекрасно иллюстрируют строки из внутренней рецензии 1965 г. известного критика Евгении Книпович на составленную Ахматовой книгу «Бег времени»:

«<...> Пусть простит автор мою дерзость, но три посвящения Б. Пастернаку идут мимо сути, и *все было не так, и трагедия художника была не та*» (Курсив мой. – Г.М.)²⁶.

Исходя из вышесказанного, почему бы не предположить, что в основе современного «ахматоборчества» лежит битва за манифестации образов истории литературы и ее фигурантов в пространстве социального функционирования культуры: *полноправным* их автором, с точки зрения филологов и лите-

ратурных критиков, должен быть представитель именно этого «цеха», или, как сказал тот же Жолковский: «Дело поэта – творить миф, дело исследователя – его вскрывать...»²⁷.

И совсем иное дело, продолжу я, когда мифотворец своевольно имплицитно свой миф вовне литературного поля, оставляя филолога и литературного критика без куска хлеба, или, выражаясь красиво, по П. Бурдые, без того культурного капитала, который легко конвертируется в экономический.

Можно задаться вопросом, отчего в этом случае «...борческий» процесс миновал, к примеру, Марину Цветаеву – не менее, а, может, и более блестящего интерпретатора своей поэзии и творчества собратьев по перу. Предварительный ответ, вероятно, будет следующим: есть значительная разница в социальном и символическом капиталах Ахматовой и Цветаевой; и здесь не важно, у кого этот капитал был бóльшим, имеет значение то, что это капиталы разного рода и наполнения. Вероятно, играет роль и различие в институциональном капитале²⁸ и властных позициях филологов, занимающихся творчеством Ахматовой и Цветаевой, потому что сравнение, к примеру, ведущих российских «цветаеведов» – писательницы Анны Саакянц и выпускницы ЛГУ, филолога Ирмы Кудровой – с профессором, российско-американским лингвистом и литерату-

²⁴ В. Виленкин, *В сто первом зеркале*, Москва: Советский писатель, 1987, с. 17.

²⁵ Борис Пастернак, *Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве*, Москва: «Искусство», 1990, с. 156–158, 281–282.

²⁶ Цит. по: М. Кралин, *Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках*, Томск: Издательство «Водолей», 2000, с. 187.

²⁷ Дмитрий Быков, «Суд над Ахматовой (Интервью с Александром Жолковским)».

²⁸ О видах капитала см.: П. Бурдые, «Формы капитала», *Экономическая социология*, 2002, № 5, с. 60–75; Дж. Коулман, «Капитал социальный и человеческий», *Общественные науки и современность*, 2001, № 3, с. 121–139.

роведом Александром Жолковским или профессором Еврейского университета в Иерусалиме Романом Тименчиком будет не в пользу первых.

Теперь обратим внимание на риторику «ахматоборческой» деятельности А. К. Жолковского.

Интенция литературоведа – сотворить из Ахматовой «тоталитарного идеолога». При этом он уточняет свою позицию: сотворить «не тщеславную роковую женщину», а образчик «репрессивной властности и тотальности претензий на идейную непогрешимость»²⁹. Создавая ложную дилемму, Жолковский обозначает неприятный и отталкивающий путь истолкования личности поэта в полоролевых терминах: «тщеславная роковая женщина».

Реализуя поставленную цель, литературовед опирается, главным образом, на мемуарные свидетельства как на документы высокой степени «фактической истинности», транслирующие образ, запрограммированный самой Ахматовой – на воспоминания и записи Э. Г. Герштейн, Л. К. Чуковской, Н. А. Роскиной, Н. Я. Мандельштам. Однако при этом делает реверанс в сторону Романа Якобсона, цитируя его предсмертный совет Кристине Поморской, занимавшейся биографией Маяковского: «Не читай ты *этих баб!*» (Курсив мой. – Г.М.)³⁰. Включая в число единомышленников весьма авторитетное лицо (одного из крупнейших лингвистов прошлого века Р. О. Якобсона), Жолковский, вроде как,

разделяет его точку зрения – но на что? На иерархический характер источников, на неполноценность воспоминаний и субъективность записок, оставленных потомкам женщинами?

Статья, в которой А. К. Жолковский ссылается на Якобсона, была опубликована в 1996 г., но и одиннадцать лет спустя, в интервью Дм. Быкову, рассуждая об ахматовском «мифе», сформировавшемся в социо-культурном пространстве с подачи самого культурного героя, он заключает: «На этот счет есть пословица: “*Не баба убила лося, а так удалось*”» (Курсив мой. – Г.М.).

В этом же интервью есть еще одно высказывание, относящееся к злополучной книге Т. Катаевой: «...похоже на свидание Катерины Ивановны с Грушенькой. *Женщина пришла к женщине и катит на нее бочку*» (Курсив мой. – Г.М.)³¹. Вновь Жолковский оперирует приемами ложной аргументации, используя эмоциональные высказывания и ассоциации, которые заложены в их метафорике. Но интересно другое: в одних случаях свободные, а в других контролируемые движения литературоведа в половую и гендерную сферы свидетельствуют о таком, открытом Фрейдом, свойстве речи как, проговариваясь, являть правду³².

Это лишнее доказательство того, что, как писала А. Колодны, «чтение – это воспитуемая деятельность, и, как мно-

²⁹ А. К. Жолковский, «Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя», <http://www.usc.edu/dept/las/sll/rus/ess/aaa.htm>

³⁰ Там же.

³¹ Дмитрий Быков, «Суд над Ахматовой (Интервью с Александром Жолковским)».

³² Забавно, что Жолковский, отвечая на упреки Перцова, уличает его в подобных же «проговорах», свидетельствующих, с его точки зрения, о «раздвоении личности» оппонента-филолога. См.: А. Жолковский, «Осторожно, тренажник! Ответ оппоненту».

гие другие интерпретативные стратегии в нашем искусстве, она неизбежно сексуально закодирована и предопределена половыми различиями»³³. Правда заключается в консервативно-охранительных сексистских обобщениях А. К. Жолковского. Он сам повинен в том, в чем упрекает Ахматову, – в «тотальности претензий на идейную непогрешимость», нагружая слова «женщина», «женское» своей идеологией, в основании которой – *мышление по половой аналогии* (thought by sexual analogy). «Проговорки» Жолковского выстраиваются в систему, оперирующую категориями из понятийного аппарата критика-мужчины, рассматривающего произведения женщины. Эти понятия были очерчены еще Мэри Эллманн³⁴: мужчина – активен и силен, женщина – пассивна и слаба. Раздражение вызывает уверенная авторитарная манера письма Ахматовой:

«Настойчивое подчеркивание своей жертвенной причастности общей судьбе совмещено с общей и очень характерной для Ахматовой фигурой “женского своеволия”: выбор памятника строится по формуле “хочу того-то, не хочу того-то”»³⁵; «“Природное” пытается прорваться сквозь “этикетное”: на смену симптоматическому поблдению приходит бесконтрольный, ка-

залось бы, поток коммуникативных актов – обвинений, вслух, впрочем, не проговариваемых. <...> Заодно в ход пускается любимый АА куртуазный язык: краснота тюльпана кодирует любовь и чувственность..., а его грамматический род – мужские достоинства его владельца. Но самому партнеру слово не предоставляется. <...> Проявляется инвариантная установка АА на силу, моральную правоту, вердикт потомков и другие сугубо властные категории, – а не на сферу чувств»³⁶.

Интересно то, что те же самые ценностные вертикали с высоты патриархатных позиций демонстрируют оппоненты А. Жолковского. Так Бенедикт Сарнов акцентирует «неиссякающие слезы» эпилога «Реквиема»³⁷, привлекая внимание Жолковского к ахматовскому языку эмоций как свойству опять-таки «женского» письма, которое «ахматоборец» сознательно игнорировал, отдавая предпочтение при анализе поэмы тому «особенному, чего никто не видел или не смел увидеть» – «ахматовскому, манипулятивному, властному повороту, в котором подает она общую тему заслуженного поэтом памятника»³⁸.

Тот же оттенок групповой идентичности, зависть к осуществленной судьбе, преодолевшей патриархатные стереотипы, разглядел Дмитрий Быков в интенциях

³³ Annette Kolodny, “Reply to Commentaries: Women Writers, Literary Historians, and Martian Readers”, *New Literary History*, Charlottesville, 1980, Vol. 11, No. 3, On Narrative and Narratives: II, p. 588 (пер. с англ. И. Ильина).

³⁴ См.: Mary Ellmann, *Thinking About Women*, New York, Harcourt, Brace & World, 1968.

³⁵ А. К. Жолковский, «Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к жизнетворческой биографии Ахматовой», <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib111.htm>

³⁶ А. К. Жолковский, Л. Г. Панова, «Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой (*Das Karpalistische Opfer*)».

³⁷ Б. Сарнов, «Опрокинутая купель», *Вопросы литературы*, 1997, № 3, 124–125.

³⁸ Александр Жолковский, «Где кончается филология? Осенние зачистки на летних территориях», *Звезда*, 2007, № 1, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/1/zh16.html>

Т. Катаевой, рассуждая об очередной ее книге «Другой Пастернак: Личная жизнь. Темы и вариации» (2009): «В случае с Ахматовой такая концепция – точнее, доминирующая эмоция – наличествовала: женская ненависть, а может, ревность, к трагической, но триумфальной ахматовской судьбе»³⁹.

Между тем, ахматоведение предлагает образцы объективного, вне жонглирования половыми дефинициями, исследования. Например, покойный Владимир Мусатов, цитируя мнение Н. В. Королевой о том, что героиня стихотворения Ахматовой «Лотова жена» (1924) совершает свой выбор как женщина, а герой стихотворения «Данте» (1936) – как мужчина⁴⁰, пишет:

«На самом деле Лотова жена и Данте представляли собой разные аспекты единой коллизии. Оба – нарушители положенных на них запретов и оба за это наказаны: первая превращена в соляной столп, второй изгнан из родимой Флоренции. И, наконец, *оба они для Ахматовой – символ поведения личности* в унижительных и безжалостных обстоятельствах <...> Разница была лишь в том, что в 1924 году речь шла о нежелании предавать собственное прошлое, в 1963-м – об отказе каяться за совершенный выбор» (Курсив мой. – Г.М.)⁴¹.

³⁹ Дмитрий Быков, «Другая Катаева», *Профиль*, № 29 (632), 2009-08-17, <http://www.profile.ru/items/?item=28849>

⁴⁰ Н. В. Королева, ««Могла ли Биче, словно Дант, творить...». Проблема женского в творчестве Ахматовой», *Ахматовские чтения. Вып. 2: Тайны ремесла*, Москва: Наследие, 1992, с. 97.

⁴¹ В. В. Мусатов, «*В то время я гостила на земле...*». *Лирика Анны Ахматовой*, Москва: «Словари.ру», 2007, с. 285–286.

Практически все «ахматоборческие» исследования и высказывания А. К. Жолковского повествуют о том, как Ахматова перевернула с ног на голову стереотипные представления об отношениях между мужчиной и женщиной (власть – подчинение), представ образцом «самопрезентации поэтической личности как властной харизматической фигуры» и воплощением «железной поэтической дисциплины». Но при этом литературовед следует культурно-символическим интерпретациям пола, сложившейся символике мужского и женского, отождествляя мужское с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью, а женское – с природой, тьмой, пустотой, слабостью, беспомощностью, безответственностью, хаосом, пассивностью.

Оттого немалую часть статей Жолковского занимают умело подобранные цитаты о том, как Ахматова обременяла собою друзей и знакомых, «капризно» помыкая ими, как «королевствовала» преимущественно в лежачей позе, как была «болезненно» озабочена соперничеством с Пастернаком («Страх, тяжесть, мрамор: из материалов к житнетворческой биографии Ахматовой»); как вела «кокетливую игру в таинственность и скромность паче гордости» и являла деспотизм в «диапазоне от невинного кокетства до настоящей жестокости» («Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя»); как «последовательно полагалась на “женские хитрости”», как трансформировала романтическую стилистику одних любовных стихов в «истерический дискурс» других, как использовала «дразнящие крупные планы

гейши», а затем освобождала текст «от чувственной моторики» и т.п. («Песни жесты мужское женское. К поэтической прагматике Анны Ахматовой»). И, разумеется, «эгоцентрическому монументализму» тщеславной Ахматовой противопоставлен «деконструктивный отказ» от памятника непритязательного Мандельштама, а ее высокомерному «ничего неделанью» – работоспособность и непривередливость Пастернака.

В свое время С. Гилберт и С. Губер написали о бинаризме *мужского видения женщины*: его оппозицию составляют образы ангела и ведьмы. Обратной стороной мужской идеализации, воплощением мужского страха перед женской сущностью они назвали женщину-чудовище – не желающую самоотречься, имеющую свою историю и не приемлющую навязываемой патриархатом роли⁴². Сравним у А. Жолковского: «... иногда <Ахматова> вполне оправдывала дневниковую оценку своей восторженной спутницы Лидии Чуковской: “О, чудовище!”»⁴³. Деконструкцию именно этого образа как лирической героини Ахматовой, так и личности самой

поэтессы предлагает А. К. Жолковский, движимый пафосом разоблачения двуличности объекта демифологизации – соблазнительницы и победительницы, чье сознание оказалось не прозрачным для мужчины, в том числе и для литературоведа.

А. Жолковский признает за Ахматовой «инклюзивность» личности, но оперирует при этом половой дефиницией: «инклюзивность облика *поэта-женщины*, включающей в себя разные ипостаси» (Курсив мой. – Г.М.)⁴⁴. Поэтому позволительно иное словесное выражение этой характеристики: речь идет о поэте, воплотившем женскую субъективность «через присвоение индивидуальности во всей ее полноте, включая и присвоение тела» (С. Айвазова). Из этой «инклюзивности» (или «субъективности») Жолковский хотел бы исключить практически все ахматовские манифестации особенностей женского психокосма и, прежде всего, ее притязания на свое собственное «желание» за пределами, как писала Ахматова в «Северных элегиях», «патриархального жара камина».

⁴² Sandra M. Gilbert and Susan Gubar, *The Madwoman in the Attic. The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*, New Haven and London: Yale University Press, 1979.

⁴³ Дмитрий Быков, «Суд над Ахматовой (Интервью с Александром Жолковским)».

⁴⁴ Александр Жолковский, «Анна Ахматова – пятьдесят лет спустя».

KOVA SU ACHMATOVOS „KULTU“: IŠTAKOS, ARGUMENTAI, PRASMĖS

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnyje analizuojamos galimos priežastys, dėl kurių šiuolaikiniame rusų literatūros moksle susiklostė tendencija demaskuoti Anos Achmatovos asmenybės bei kūrybos „kultą“ (A. Žolkovskio, L.Panovos, T. Katajevos darbai).

Autorė savo dėstymą grindžia „literatūros lauko“ (P. Bourdieu) ir jo agentų funkcionavimo logika. Literatūros kūrėjui literatūros lauko rėmus legitimuoja tekstų kūryba, literatūros kritikai ir istorikai – kūrėjų gaminamos produkcijos ir pačių gamintojų interpretacija. Straipsnio autorė kelia hipotezę, jog kovos su Achmatovos „kultu“ radimasis susijęs su ta aplinkybe, kad ši kūrėja pažeidė literatūros lauko agentų „sutartinius įsipareigojimus“: jos asmens ir kūrybos

mitologizavimo strategija labiau priklausė nuo jos pačios asmeninių pastangų, o ne profesionalių kritikų ir literatūros mokslininkų darbo. Atsižvelgiant į Achmatovos figūros svarumą rusų literatūros lauke, galima suprasti, kaip tai skausminga filologams, dalyvaujantiems konkurencinėje kovoje, per kurią struktūruojamas literatūros laukas.

Straipsnyje pateikiama faktų, kaip meninių tekstų kūrėjai kovoja, kad jų, kaip rašytojų, definicija bei jų vertybių hierarchija patektų į sociokultūrinio vartojimo sritį.

Achmatovą „demaskuojanti“ žymaus literatūros mokslininko A. Žolkovskio argumentacija straipsnyje apibrėžiama kaip ydinga ir susijusi su lyties analogijomis pagrįsta mąstysena.

Получено: 2011, октябрь

Принято: 2011, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

e-mail: galina.michailova@ff.vu.lt